

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Данилова В.Ю. Философия в римском обществе конца I–начала II вв. н. э. // Философия и культура. 2024. № 9.
DOI: 10.7256/2454-0757.2024.9.69660 EDN: KATNEZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69660

Философия в римском обществе конца I–начала II вв. н. э.

Данилова Валерия Юрьевна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра всеобщей истории, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600014, Россия, Владимирская область, г. Владимир, пр. Строителей, 11, ауд. 320а

✉ fasikcat@yandex.ru

[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.9.69660

EDN:

KATNEZ

Дата направления статьи в редакцию:

24-01-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является роль философии в жизни римского общества конца I – начала II вв. н. э. Рассмотрен период правления императора Домициана, последнего из династии Флавиев (81–96), а также представителей династии Антонинов – Нервы (96–98) и Траяна (98–117). Автор ставит перед собой следующие задачи: во-первых, определить, насколько сильным было влияние философских учений на политические взгляды римских граждан; во-вторых, проанализировать роль философии в мировоззрении и поведении римлян в других сферах жизни, кроме политической; в-третьих, рассмотреть соотношение идей греческой философии и римских идей и традиций. Источники позволяют рассмотреть степень популярности философии в конце I – начале II вв. н. э. среди различных слоев римского общества. Для достижения цели изучены на языке оригинала произведения римских авторов Тацита, Плиния Младшего, Ювенала. Выявлены и проанализированы фрагменты, в которых упоминается философия и философы, проведено их сравнение между собой. Новизна исследования состоит в том, что период конца I – начала II вв. н. э. не являлся предметом самостоятельного исследования в плане влияния философских

идей на римское общество. Анализ источников показывает, что на распространение философии влияла политическая обстановка. При Домициане философы были изгнаны из Рима, свобода слова не допускалась, а при Нерве и Траяне философы возвратились в Рим, и количество их последователей возросло. Слушателями философов были как хорошо образованные представители высших сословий, так и менее образованные и менее знатные люди. В Риме возникла мода подражать философам без серьезного увлечения философией. Среди всех учений наиболее популярен был стоицизм, например, в лице философа Эвфрата. Идеи стоицизма и римские традиционные ценности пересекались в отношении к добродетелям, в вопросе о возможности самоубийства в тяжелой жизненной ситуации. Отношение представителей римской знати к стоицизму в политическом плане было неоднозначным: с одной стороны, были участники стоической оппозиции Домициану и сочувствующие им, с другой стороны, не все разделяли идеи активного сопротивления неуголному императору.

Ключевые слова:

Римская империя, римское общество, философия, Тацит, Плиний Младший, Ювенал, римские традиции, политические взгляды, отношение к самоубийству, подражатели философам

Период I–II вв. н. э. в истории римской философии известен прежде всего учением философам-стоиков, представителей так называемой Поздней Стои. Соответственно, большая часть современных работ по этому периоду касается взглядов и деятельности римских философам-стоиков Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия [\[1, с. 360–394; 2–5; 6, с. 564–568; 7; 8, с. 322–327\]](#). В данной же статье поставлена цель рассмотреть не сочинения римских философам, как это делается традиционно, а показать, как философские идеи отражались в римском обществе, как и в какой степени они на него влияли. Для этого будут рассмотрены произведения римских, латиноязычных, авторов, в которых есть упоминания об их собственном отношении к философии и отношении к ней других римлян, и будет проведен сравнительный анализ выявленной информации.

Хронологические рамки исследования обозначены как конец I–начало II вв. н. э., то есть период правления императора Домициана, последнего из династии Флавиев (81–96), а также представителей династии Антонинов — Нервы (96–98) и Траяна (98–117). Актуальность работы определяется тем, что данный конкретный период мало изучен в истории философии, он не являлся предметом самостоятельного исследования в плане влияния философских идей на римское общество. Из близких по теме работ можно указать статьи А. А. Стоярова, который рассмотрел деятельность и идеи философам-стоика I в. н. э. Гая Музония Руфа в контексте римской общественной жизни [\[9–10\]](#).

Первая задача статьи состоит в том, чтобы определить, насколько сильным было влияние философских учений на политические взгляды римских граждан. Известно, что в период правления Нерона (54–68) и Веспасиана (69–79) в Риме была сильная стоическая оппозиция императорам в сенате, ее представители опирались на идеи стоицизма [\[15; 16, с. 37–38; 17\]](#). Важно изучить, сохранились ли эти тенденции при Домициане, который представлен в римской литературе как император-тиран, и как относились представители сенатской знати к возможности противостояния императору на основе идей стоицизма. Эти вопросы могут быть рассмотрены на основе сочинений Тацита и Плиния Младшего.

Вторая задача состоит в том, чтобы проанализировать роль философии в мировоззрении и поведении римлян в других сферах жизни, кроме политической. У Тацита и Плиния Младшего мы можем найти информацию о том, как относились римляне к проблемам смерти и самоубийства. Вопрос о смерти и самоубийстве был важным для римской философии, и он вызывает интерес у современных исследователей [\[18, с. 43–45; 19–20\]](#). Однако, они рассматривают эту проблему только по философским сочинениям, в данной же статье будут привлечены литературные произведения.

В историографии есть мнение, что философия не пользовалась в Римской империи большой популярностью и была нужна только немногим интеллектуалам, которые хотели достичь добродетели или уходили в философию от жизненных проблем [\[21, с. 40\]](#). Однако, письма Плиния Младшего и сатира Ювенала, проанализированные в данной работе, показывают, что в конце I–начале II вв. н. э. в римском обществе был достаточно большой интерес к философии, причем не только со стороны высших слоев общества (сенаторов и всадников), но и менее знатных и не столь образованных людей. Важно изучить, чем был вызван этот интерес к философии и насколько он был серьезным.

Третья задача заключается в том, чтобы рассмотреть соотношение в указанный период идей, пришедших из греческой философии, и римских идей и традиций. Под римскими идеями понимаются устойчивые представления и ценности (то, что римляне называли «нравы предков»), выработанные в культуре Древнего Рима на основе местных социально-политических условий и отраженные в сочинениях латиноязычных авторов. Актуальным в научной литературе является вопрос о соотношении учения стоиков, изначально пришедшего в Рим из Греции, с римскими традициями и нормами морали. Например, С. Н. Кочеров подчеркивает, что популярность в римском обществе учения стоиков связана с тем, что оно оказалось созвучным морали римской гражданской общины [\[16, с. 32\]](#). У. Терпин характеризует отношения между римскими идеями и идеями стоицизма как очень сложные, так что иногда их невозможно даже уловить [\[22, с. 364\]](#). Тем не менее, вопрос о соотношении этих идей кажется автору статьи важным и заслуживающим изучения.

При анализе источников обращалось внимание в первую очередь на те фрагменты, где прямо упоминалась философия и философы. Посмотрим с лингвистической точки зрения, какие слова используют римские авторы для обозначения философии и философов. У Тацита и Плиния Младшего встречаются слова *sapientia* [\[23, 2, 4; 26, XV.71; 24, I.22.6\]](#) и *philosophia* [\[23, 4; 25, III.81; 24, I.10.10\]](#). Философы названы *professores sapientiae* [\[23, 2; 25, IV.10\]](#), *doctores sapientiae* [\[25, IV.5\]](#), *sapiens / sapientes* [\[23, 46; 26, XVI.19, 24, I.10.4; III.11.5\]](#), *philosophus / philosophi* [\[24, I.10.1; III.11.2, 6\]](#). Таким образом, римские авторы употребляют примерно в равных количествах как греческое слово *philosophia*, так и латинское слово *sapientia*, которое чаще всего переводится как «мудрость», но по сути у Тацита и Плиния является синонимом «философии», как и слово «мудрец» (*sapiens*) — синонимом «философа».

Что нам известно о явных сторонниках каких-либо философских учений в римском обществе конца I–начала II в. н. э.? Прежде всего можно отметить Юния Арулена Рустика, который был приверженцем стоицизма [\[24, I.5.2\]](#), учеником философа-стоика Гая Музония Руфа. Молодость Рустика пришлось на правление Нерона, и в тот период он сочувствовал стоику-оппозиционеру Тразее Пету [\[26, XVI.26\]](#). В правление Домициана Рустик написал произведение, восхвалявшее Тразею Пета, в результате чего был

казнен, а его книга сожжена [23, 2]. Вместе с Аруленом Рустиком пострадал Геренний Сенецион, восхвалявший в своих книгах оппозиционера-стоика Гельвидия Приска [23, 2; 24, VII.19.5]. О том, разделял ли Геренний Сенецион идеи стоицизма, в источниках прямого указания нет, но, возможно, разделял, если он восхвалял стоика предыдущих времен. Также при Домициане был отправлен в ссылку Юний Маврик, который приходился братом Юнию Арулену Рустику [24, I.5.10, I.14.1-2; II.18.1; III.11.3]. О его отношении к философии также прямых указаний в источниках нет, но, возможно, он разделял стоические идеи своего брата. Во всяком случае, Плиний Младший описывает Юния Маврика как человека твердого в своих убеждениях, готового смело высказать свои взгляды в присутствии императора [24, IV.22.3-6].

Есть еще два примера того, что после смерти Домициана было популярно восхваление оппозиционеров. Известно, что Гай Фанний писал большое произведение о тех, кто был убит или отправлен в ссылку при Нероне [24, V.5.3]. Он не успел закончить его, но те три книги, которые были изданы, со слов Плиния Младшего, были популярны в обществе. Титиний Капитон, знакомый литератор Плиния, написал произведение, которое Плиний точно не называет, но говорит, что оно было посвящено смерти знаменитых людей, в том числе некоторых очень ему дорогих [24, VIII.12.4]. По содержанию других писем можно предположить, что речь идет о Гельвидии Приске Младшем, Рустике Арулене и Гереннии Сенеционе, которые погибли при Домициане. Таким образом, если говорить о высшем и образованном слое римского общества, который имел возможность участвовать в политической жизни, то мы, во-первых, видим среди его представителей явных или предполагаемых сторонников стоицизма, а во-вторых, наблюдаем интерес к восхвалению стоической оппозиции времен Нерона и Веспасиана.

Рассмотрим вопрос о том, повлияла ли философия на политические взгляды Тацита и Плиния Младшего. Следует отметить, что в научной литературе есть разные мнения по поводу влияния на Тацита идей стоиков и отношения писателя к ним: некоторые исследователи считают, что Тациту не нравилось учение стоиков, другие говорят о его симпатии к стоицизму, сходстве некоторых его идей с идеями стоиков [22, с. 395; 27, с. 11-24; 28, с. 25-29]. По произведениям Тацита мы можем проанализировать его отношение к стоической оппозиции и ее стремлению сопротивляться жестоким императорам. Тацит в «Жизнеописании Агриколы» неодобрительно отзывается о времени правления Домициана, характеризуя его как период порабощения, невозможности свободно высказывать собственные мысли в противовес правлению Нервы и началу правления Траяна, когда появилась свобода слова. Частью этого порабощения у Тацита выступает изгнание из Рима философов (*expulsis insuper sapientiae professoribus*) [23, 2]. Также Тацит с неодобрением упоминает ссылку Юния Маврика, осуждение и казнь Арулена Рустика и Геренния Сенециона, которые восхваляли Тразею Пета и Гельвидия Приска — лидеров сенатской оппозиции при Нероне и Веспасиане [23, 2, 45]. Тацит осуждает общественную атмосферу в правление Домициана и характер императора за его зависть и ненависть к успехам и добродетелям других людей, гневливость, склонность ко всему дурному [23, 39-41], но при этом он против него не выступал. Наоборот, карьера Тацита, как он сам признает, при Домициане успешно развивалась [25, I.1]. Следовательно, Тацит не стремился подражать поведению стоической оппозиции.

Когда Тацит оценивает поведение при Домициане своего тестя Агриколы, то говорит о том, что послушание и скромность вместе с энергией и трудолюбием, которые проявил Агрикола, достойны не меньшей похвалы, чем поведение тех, кто встал в оппозицию

принцепсу и погиб смертью решительной, но для государства совершенно бесполезной [23, 42]. Здесь писатель, на наш взгляд, ясно высказал свою позицию, далекую от стоического сопротивления правителю-тирану. Тацит одобряет действия Агриколы, который не шел наперекор императору и не искал смерти ради славы.

Сходство мыслей Тацита с учением стоиков теоретически можно увидеть в том, что он подчеркивает важность добродетелей (*virtutes*) в жизни Агриколы [23, 44, 46], поскольку в учении стоиков добродетели были очень важны [29, I.4.3; 30, с. 262-264]. Но, на наш взгляд, в этом вопросе у Тацита скорее можно увидеть приверженность нравам предков, у которых добродетели (*virtutes*) высоко ценились. Так, Тацит в качестве заслуг своего тестя Агриколы ставит в один ряд с добродетелями его консульские и триумфальные отличия, то есть подчеркивает его заслуги в служении государству, успехи в политической и военной карьере [23, 44]. Долг служения государству, мужество и доблесть на войне были традиционными римскими ценностями [31, с. 24].

Если внимательно посмотреть, что пишет Тацит про упомянутого выше стоика Арулена Рустика и его учителя Гая Музония Руфа, то можно уловить в их характеристике некоторый негативный оттенок. Поступок Рустика во время правления Нерона, когда юноша, занимавший тогда должность народного трибуна, предлагал пойти против постановления сената о виновности Тразеи Пета, Тацит объясняет жадой похвалы (*cupidine laudis impollutus*) [26, XVI.26]. Заметим, что про своего тестя Агриколу Тацит пишет, что тот, наоборот, не искал одобрения со стороны общественного мнения своему поведению на политическом поприще [23, 42]. Музоний Руфа Тацит характеризует как человека, ревностно подражавшего изучению философии и взглядам стоиков (*studium philosophiae et placita Stoicorum aemulatus*) [25, III.81], как будто намекая на его несамостоятельность во взглядах. Неодобрительно оценивает Тацит поведение Музония Руфа в период гражданской войны в конце 60-х гг., когда сенат решил отправить послов к войскам Веспасиана, чтобы уговорить их на прекращение военных действий. Музоний Руф, как пишет Тацит, замешался в число этих послов, попал в армию Вителлия и стал убеждать солдат в преимуществе мира против войны. Тацит называет эти наставления вооруженных солдат «несвоевременными философскими поучениями» (*intempestivam sapientiam*) [25, III.81]. С другой стороны, когда Тацит рассказывает о стойке Гельвидии Приске, то с одобрением пишет, что тот в молодости изучал философию, чтобы укрепить свой дух против всяких случайностей и посвятить себя государственной деятельности [25, IV.5]. Примечательно, что характеризуя Гельвидию как человека справедливого и смелого, Тацит отмечает в качестве его недостатка стремление к славе, честолюбие [25, IV.5-6]. Можно сделать вывод, что Тацит ценил приверженность учению стоиков, когда это шло на благо государству и политической карьере римского гражданина, но ему не нравилось излишнее стремление людей, в том числе стоиков, к славе.

Плиний Младший был современником и хорошим знакомым Тацита, и в их произведениях можно найти сходные идеи. Плиний тоже упоминает в своих письмах об изгнании философов из Рима при Домициане [24, III.11.2] и осуждает мрачную атмосферу гонений на свободомыслие, сложившуюся при этом императоре. Плиний сообщает о том, что в этот период он рискнул навестить на вилле Артемидора — зятя философа-стоика Музония Руфа, который в тот момент нуждался в деньгах. Плиний был дружен со многими людьми, высланными из Рима или казненными Домицианом [24, III.11.3], на него уже был готов донос императору, поэтому его поездка к Артемидору могла представлять

опасность. Однако, как мы видим из его биографии, решительных действий против идеологии Домициана Плиний не предпринимал и продолжал занимать государственные должности. Он выступил против доносчиков и написал произведение в отместку своему другу Гельвидия Приска Младшего уже после смерти этого императора [\[24, IX.13\]](#), когда при Нерве и Траяне это было разрешено и поощрялось.

Таким образом, по произведениям Тацита и Плиния Младшего не видно прямого влияния философии на их политические взгляды. Оба они хорошо знали о представителях стоической оппозиции Домициану, Плиний был с ними знаком или дружен, но при этом ни Тацит, ни Плиний не разделяли их политическое поведение.

Рассмотрим, каково было воздействие философии на римлян в указанный период в других сферах жизни, кроме политической.

Как уже упоминалось выше, при Домициане многие философы были высланы из Рима, так как император, очевидно, видел в них угрозу. После смерти Домициана идеологический курс сменился, и философы начали возвращаться в Рим. В результате произошло оживление общественной атмосферы. Плиний Младший отметил, что в Риме того времени «свободные искусства процветали» (*liberalibus studiis floruit*) [\[24, I.10.1\]](#). К свободным искусствам относилась и философия. О том, как общество реагировало на философов, мы можем увидеть на примере философа Эвфрата, описанного Плинием Младшим [\[24, I.10\]](#). С Эвфратом Плиний впервые познакомился в Сирии, когда был там на военной службе в 80-е гг. Затем знакомство возобновилось в Риме. Эвфрат упоминается в «Жизнеописаниях софистов» Филострата как современник и друг философа Диона Хризостома [\[32, I.7.3\]](#), а Дион Хризостом вернулся из ссылки при Нерве, после смерти Домициана. Вероятно, в то же время с Востока в Рим приехал и Эвфрат. Судя по тому, что про Эвфрата пишет стоик Эпиктет, Эвфрат тоже был стоиком [\[29, IV.8.17-20\]](#). Плиний описывает учение и поведение Эвфрата следующим образом: для философа характерна доброта (*humanitas*), следование добродетелям (*virtutes*), преследование пороков в своем учении [\[24, I.10.2, 3, 7\]](#). Эти идеи также отвечают учению стоиков. Эвфрат, по мнению Плиния, был хорошим оратором и производил сильное впечатление даже на людей мало образованных (*mediocriter doctos*). Эпиктет подтверждает мнение Плиния о том, что Эвфрат умел красиво говорить: некоторые люди, послушав его, хотели бы и сами заниматься философией [\[29, I.15.8\]](#). Из этого можно сделать вывод, что философа Эвфрата охотно слушали разные люди — не только хорошо, но и мало образованные, и он производил на них большое впечатление, побуждая к занятиям философией.

Плиний советует одному из своих адресатов, Аттию Клементу, следовать увещаниям Эвфрата [\[24, I.10.7\]](#). Возникает вопрос, следовал ли советам философа сам Плиний? Ответить на этот вопрос однозначно нет возможности. В письме Плиний жалуется на свою загруженность работой в должности префекта государственной казны, которая мешает ему чаще общаться с философом. Он также приводит по этому поводу высказывание Эвфрата о том, что «философия в лучшем своем отделе учит служить обществу: расследовать, творить суд, выявлять справедливость, значит осуществлять на практике то, чему она учит» [\[33, I.10.10, пер. М. Е. Сепреенко\]](#). Здесь мы видим, что философ оправдывает государственную деятельность и занятость Плиния служением на пользу общества. В письме также есть характерная фраза о том, что «мудреца может постигнуть только мудрец» (*nisi sapiens non potest perspicere sapientem*) [\[24, I.10.4\]](#), из которой становится ясно, что сам Плиний себя мудрецом-философом не считает.

Кроме Эвфрата, Плиний познакомился и подружился в молодости, во время службы военным трибуном в Сирии, с Артемидором, который был зятем стоика Гая Музония [\[24, III.11.5\]](#). Про самого Гая Музония Плиний пишет, что он им восхищался и был с ним близок в меру своего возраста [\[24, III.11.5\]](#). Говоря о возрасте, Плиний имеет в виду то, что Музоний был гораздо его старше. А. А. Столяров предполагает, что Плиний мог входить в кружок, сложившийся про Музонии Руфе [\[10, с. 141\]](#). Таким образом, Плиний несомненно был хорошо знаком с учением стоиков, но вряд ли следовал ему в жизни.

Плиний был знаком и с другими представителями греческой философии. Например, он пишет про Эвфрата, что «в его рассуждениях есть тонкость, основательность, изящество; часто даже что-то от Платоновой высоты и размаха» [\[33, I.10.5, пер. М. Е. Сергеенко\]](#). Если Плиний сравнивал Эвфрата с Платоном, значит, он имел представление о произведениях Платона. Поскольку Плиний знал греческий язык (в его письмах встречаются фразы на греческом), он мог читать Платона в оригинале. Однако, в письмах Плиния никаких явных философских размышлений мы не находим.

Возвращение философов в Рим и смена политической обстановки в конце I в. вызвала большой общественный интерес к философии. Насколько он был серьезным? В источниках встречаются упоминания о так называемых «любителях» философии. В письме I.22 Плиний противопоставляет жизнь юриста Тития Аристана поведению таких любителей философии, иронично о них отзываясь. Эти философы отличаются от остальных, их можно узнать по внешнему виду и одежде. Они усердно посещают гимназии и портики, произносят длинные рассуждения перед другими бездельниками, как их называет Плиний. По мнению Плиния, эти люди изучению философии предпочитают внешность философов (*sapientiae studium habitu corporis praeferunt*) [\[24, I.22.6\]](#). Тития Аристана Плиний превозносит за то, что тот занят настоящим делом в суде и за его хорошие качества — нравственную чистоту (*castitas*), благочестие (*pietas*), справедливость (*iustitia*) и мужество (*fortitudo*) [\[24, I.22.6-7\]](#). Может показаться несколько странным, что Плиний ругает приверженцев философии за то же самое, за что он хвалил философа Эвфрата в письме I.10: длинные речи перед слушателями. Этот факт можно объяснить литературным приемом противопоставления, с помощью которого Плиний хотел подчеркнуть достоинства Тития Аристана, характерные для истинного римлянина. Также можно предположить, что в Эвфрате Плиний видел настоящего философа, а в других людях — просто подражателей философам. Для сравнения, Тацит в «Истории» намекает на то, что некоторые молодые римляне изучали философию только для того, чтобы «прикрывать громкими словами постыдное безделье» [\[34, IV.5, пер. Г. С. Кнабе\]](#).

Когда Плиний вспоминает Артемидора, зятя стоика Гая Музония Руфа, он говорит о том, что среди тех, кто называет себя философами в момент написания письма (после смерти Домициана), сложно найти одного-двух с такой же искренностью и правдивостью, как у него [\[24, III.11.6\]](#). Здесь можно увидеть, с одной стороны, похвалу Артемидору, с которым Плиний был дружен, а с другой стороны, Плиний может иметь в виду философов, которые стали таковыми просто отдавая дань моде, а не по внутреннему убеждению.

То, что такая проблема – быть философом, а не казаться им – существовала, мы видим у Эпиктета. Он упоминает философов, для которых важным было не содержание их учения, а внешний вид: они говорят, что они философы, «как только наденут потертый плащ и отпустят бороду» [\[29, IV.8.15, пер. Г. А. Тароняна\]](#). Эпиктет противопоставляет таким мнимым философам Эвфрата, который поступал согласно стоическому учению не ради

зрителей, а для самого себя и для бога [\[29, IV.8.17-18\]](#).

Сходную информацию о «любителях» философии в римском обществе мы встречаем также у Ювенала во второй сатире первой книги, вышедшей после 100 г. при императоре Траяне. Ювенал происходил предположительно из сословия вольноотпущенников [\[14, с. 222-223\]](#). Его точка зрения важна и интересна тем, что представляет мнение выходца из незнатных слоев римского общества. Сатира направлена в целом против лицемерия. В первой части сатиры поэт пишет о том, что некоторые развратники притворяются философами и защищают добродетель, хотя сами ведут себя распушенно. Сами по себе эти люди некультурные, неученые (*indocti*) [\[35, I.2.4\]](#), однако они специально покупают гипсовые бюсты философов, чтобы показать свою приверженность добродетели и совершенству:

Вовсе невежды они, хотя и найдешь ты повсюду

Гипсы с Хрисиппом у них; совершеннее всех у них тот, кто

Купит портрет Аристотеля или Питтака, а также

Бюстам Клеанфа прикажет стеречь свои книжные полки [\[36, I.2.4-7, пер. Д. Недовича и Ф. Петровского\]](#).

Обратим внимание на то, какие философы упомянуты в этом отрывке. Названы Питтак Митиленский — один из семи легендарных греческих мудрецов VII в. до н. э., Аристотель — знаменитый философ IV в. до н. э., глава школы перипатетиков, и два философа-стоика III века до н. э. — Клеанф, ученик основателя Ранней Стои Зенона, и Хрисипп, ученик Клеанфа [\[37, Вступление I. 13-14, 19; VII.36, 168, 179\]](#). Характерно, что Хрисиппа, Клеанфа и их учение часто упоминал стоик Эпиктет, современник Ювенала.

В этом отрывке Ювенал критикует людей развратного поведения, которые лишь притворяются сторонниками философии, чтобы показать свою просвещенность. Но сама возможность купить бюсты философов и поставить их на полки говорит о том, что философия была достаточно популярна в римском обществе в период написания произведения.

В той же сатире Ювенала есть еще один фрагмент, который связан с философией. Поэт высмеивает тех же людей, которые покупают бюсты философов, в том, что они редко что-то говорят и больше желают молчать (*rarus sermo illis et magna libido tacendi*) — видимо, чтобы намеренно показать свою значимость и ученость, — а также в том, что у них волосы короче бровей (*supercilio brevior coma*), то есть они их очень коротко стригут [\[35, I.2.14-15\]](#). Возникает вопрос: кому именно пытаются подражать эти римляне такой внешностью?

В Римской империи были популярны изображения философов, представляющие собой копии греческих оригиналов. Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, рассмотрим, какими представляли философы в скульптуре и у кого были короткие волосы. В сатире Ювенала упомянуты сразу два философа-стоика — Хрисипп и Клеанф, поэтому начнем со стоиков. Например, в собрании Британского музея хранится мраморный бюст Хрисиппа, где мы видим коротко стриженные волосы, залысину по центру головы и бороду. В Государственном Эрмитаже хранится портрет, который искусствовед А. А. Трофимова предлагает идентифицировать как философа-стоика, предположительно, Клеанфа. Это римская копия с греческого оригинала III в. до н. э. Мы видим на нем

человека с короткой стрижкой, лысиной и длинной окладистой бородой [\[38, с. 62, рис. 1\]](#). Автор отмечает, что типичный портрет философа-стоика именно такой: «волосы коротко пострижены, залысины открывают высокий лоб, аккуратная борода обрамляет лицо» [\[38, с. 65\]](#).

Для сравнения возьмем портреты киников и эпикурейцев, поскольку их учения тоже были популярными в то время. Эпикурейцем был, например, Максим — наместник провинции Ахайи при Траяне [\[29, III.7.1; 24, VIII.24\]](#); Эпиктет упоминает желающих вести кинический образ жизни [\[29, III.22\]](#). Бюст Антисфена из Британского музея, основателя школы киников, представляющий собой римскую копию греческого оригинала, изображает пожилого человека с бородой и волнистыми, довольно густыми волосами. Посмотрим на портрет Эпикура из Британского музея, который также является римской копией греческого оригинала. На нем изображен мужчина с волнистой бородой и волнистыми волосами. По заключению А. А. Трофимовой, эпикурейцы обычно изображались с развевающимися волосами, а киники — с всклокоченными волосами [\[38, с. 65\]](#). Также в сатире Ювенала упомянут Аристотель. По сохранившимся изображениям Аристотеля мы можем судить о том, что у этого философа была волнистая борода и довольно длинные волосы. Таким образом, когда римляне нарочно коротко стригли волосы, они, вероятнее всего, подражали философам-стоикам.

Литературовед В. С. Дуров подчеркивает, что для римской сатиры был характерен «сугубый реализм», то есть рассмотрение событий повседневной жизни [\[39, с. 6\]](#). Мы можем быть уверены в том, что Ювенал описывал то, что видел в действительности.

Интересный фрагмент, связанный с ролью философии в жизни римской знати, можно найти в «Жизнеописании Агриколы» Тацита. Он показывает возможность обучаться философии в Римской империи, а также соотношение между греческой философией и римскими традициями. Отец Агриколы Юлий Грецин во времена императора Калигулы был известен как оратор и философ (*studio eloquentiae sapientiaeque notus*) [\[23, 4\]](#). Сам Гней Юлий Агрикола рассказывал Тациту, что в ранней молодости он готов был с жаром предаться изучению философии, но мать остудила его пыл, поскольку такое занятие считалось непозволительным для римлянина и сенатора [\[23, 4\]](#). Учился Агрикола в городе Массилия, а этот город, находившийся в провинции Нарбонская Галлия, был центром греческой культуры на западе Римской империи [\[40, с. 481\]](#). Мы видим, с одной стороны, что отец Агриколы хорошо знал философию, и Тацит не говорит о том, что это было ненормально. С другой стороны, занятия философией с большим жаром и рвением (Тацит употребил слово *acer* — жаркий, пылкий) считались неподобающими для римлянина, который собирался делать политическую карьеру. Видимо, это было позволительно только для греков, поскольку философия пришла в Рим из Греции.

Источники позволяют рассмотреть вопрос о влиянии стоической философии либо римских традиций на отношение римлян к смерти и самоубийству.

В конце «Жизнеописания Агриколы» Тацит рассуждает о смерти своего тестя и упоминает при этом философию: «Если манам праведных уготовано особое обиталище, если, как утверждают философы, великие души не распадаются вместе с телами, покойся в мире...» [\[41, 46, пер. А. С. Бобовича\]](#). Здесь Тацит говорит о манах — душах умерших предков, представление о которых было характерно для римской религии и не имело связи с греческой философией [\[42, с. 50–51, 187–188\]](#). Также писатель подчеркивает

благочестие и добродетельность своего тестя, употребляя слова *pius* и *virtutes*. Благочестие (*pietas*) и обладание добродетелями (*virtutes*) исследователи относят к традиционным римским ценностям [43]. Далее Тацит рассуждает о том, что жена и дочь Агриколы после его смерти более всего должны заботиться о том, чтобы помнить о его добродетелях и подражать его достойному поведению [23, 46].

В каком учении можно найти мысль о том, что «великие души не распадаются вместе с телами» (*non cum corpore extinguuntur magnae animae*), как пишет Тацит? Е. М. Штаерман обратила внимание на то, что еще при императоре Августе в I в. до н. э. в Риме распространилась вера в зависимость бессмертия души от добродетелей и пороков человека в земной жизни [42, с. 197-198]. Этому поспособствовала широко распространившаяся в римском обществе поэма «Энеида» Вергилия, где в шестой книге описывается участь умерших в царстве мертвых и упоминается о том, что в подземном мире души умерших (маны) искупают страданиями свои злые дела, а потом могут снова вселиться в тела [44, VI.713-751]. Возможно, Тацит разделял именно эти идеи. Упоминание о бессмертии души как о знакомой идее среди знатных римлян I в. н. э. встречается также в «Анналах» Тацита при описании смерти Петрония [26, XVI.19].

Письма Плиния Младшего также позволяют рассмотреть вопрос об отношении римлян к самоубийству и о том, могли ли повлиять на это философские учения. В письме I.12 Плиний сообщает, что его друг Кореллий Руф покончил с собой из-за длительной и тяжелой болезни (подагры). Ему было 60 лет, и он уморил себя голодом. По мнению Плиния, Кореллия подтолкнул к этому решению разум, поскольку мудрецы повинуются именно ему (*Corellium quidem summa ratio, quae sapientibus pro necessitate est, ad hoc consilium compulit*) [24, I.12.3]. Упоминание такого понятия, как разум, наводит на мысль о том, что Кореллий Руф мог быть последователем стоического учения, поскольку у стоиков разум — одно из ключевых понятий [29, I.2.3; IV.8.12; 37, VII.1.86, 88]. Примечательно также, что Кореллий Руф сказал врачу «я решил» (голодать и умереть) по-гречески (*Κέκρικα*), а не по-латински [24, I.12.10]. Греческий язык был языком философии, и, значит, Кореллий Руф его знал.

В письме I.22 снова поднимается проблема самоубийства из-за болезни. Плиний рассказывает про юриста Тития Аристона. Этот человек заболел и хотел узнать от врачей, насколько тяжела его болезнь. Если бы она оказалась неизлечимой, то он хотел уйти из жизни, если ли же просто затяжной — то бороться. Плиний одобряет его решение, поскольку «обсуждать и взвешивать основания для нее (смерти) и по совету разума выбирать между жизнью и смертью может только высокая душа» [33, I.22.10, пер. М. Е. Сепреенко]. Плиний, как и в письме про Кореллия Руфа, одобряет выбор, сделанный с помощью разума.

В письме III.7, написанным около 99 г., Плиний рассказывает о том, что Силий Италик в своем поместье под Неаполем уморил себя голодом из-за тяжелой неизлечимой болезни (как и Кореллий Руф). Он был преклонного возраста, ему было 75 лет. Плиний в этом письме не приводит какого-либо обоснования поступка Силия Италика — возможно, потому, что умерший не был его другом или хорошим знакомым. Писатель сокрушается, как быстро проходит жизнь, и видит возможность своего бессмертия в литературных трудах [24, III.7.10-14]. Исходя из этого можно предположить, что для самого Плиния его литературная деятельность была важнее философии.

В письме VI.24 Плиний рассказывает историю одной семейной пары, с которой он не был

знаком. У мужа была тяжелая болезнь, и жена, поняв, что проблемы мужа очень серьезные, уговорила его покончить с собой. Они вместе бросились в озеро [\[24, VI.24.2-4\]](#). Плиний дает в данном случае положительную оценку действий жены и сравнивает ее поступок с более ранним по времени поступком Аррии Старшей, жены Цецины Пета, которая пронзила себя кинжалом и побудила также прибегнуть к самоубийству смертельно больного мужа [\[24, III.16.2-6\]](#). В этих действиях Плиний видит верность жены мужу и одобряет ее поступок. Следовательно, для римлян самоубийство из-за тяжелой болезни не было чем-то необычным и встречало одобрение в обществе.

Если мы рассмотрим историю стоического учения, то увидим примеры самоубийств, связанных с болезнями. Одна из версий смерти Зенона такова, что он, находясь в преклонном возрасте, упал, сломал палец и умер, нарочно задержав дыхание [\[37, VII.1.28\]](#), а другая — что он отказался от еды будучи утомленным своим возрастом [\[37, VII.1.31\]](#). Философ Клеанф умер, отказавшись от пищи во время болезни десен — сначала по совету врачей, а потом по собственному решению [\[37, VII.5.176\]](#). Сенека допускал возможность самоубийства в случае болезни [\[45, LVIII.32-36\]](#). Философ Эвфрат умер в 118 г., добровольно приняв яд. Он был уже старый и больной, и император Адриан разрешил ему это сделать [\[46, LXIX.8.3\]](#). Диоген Лаэртский, давая общую характеристику учения стоиков, пишет о том, что для стоического мудреца вполне разумно уйти из жизни «и за отечество, и за друга, и от слишком тяжелой боли, или увечья, или неизлечимой болезни» [\[37, VII.130, пер. М. Л. Гаспарова\]](#). Эти факты, а также ссылки Плиния на решение, принятое разумом, дают основание предположить, что Кореллий Руф и Титий Аристон, названные в письмах Плиния, разделяли учение стоиков. Что касается других римлян, которые покончили с собой, то мы не знаем наверняка, были ли они приверженцами стоицизма.

По римским источникам I–II вв. н. э. можно выделить самоубийство из-за болезни и самоубийство по политическим причинам. У Плиния мы видим первое. Политические самоубийства были распространены в более ранний период — при Нероне и далее в период гражданских войн. Во времена Нерона многие римские сенаторы и всадники покончили с собой, что подробно описано Тацитом в «Анналах» [\[26, XV–XVI\]](#). Они либо получили от принцепса приказ умереть либо понимали, что их ждет скорая казнь. Сам Тацит объясняет причины многочисленных самоубийств тем, что в то время это было самой легкой дорогой к смерти [\[26, XVI.17\]](#). В «Истории» Тацит описывает смерть Отона, который решил умереть, так как понял, что проигрывает в гражданской войне, и бросился на кинжал [\[25, 47–49\]](#). Его примеру последовали некоторые солдаты, показав тем самым преданность своему императору. И поступок Отона, и поступок солдат в обществе были восприняты с одобрением [\[25, 47–49, 53–54\]](#).

Точно известно, что из умерших при Нероне стоиками были Тразея Пет и Барея Соран [\[25, IV.10; 29, I.1.26\]](#). Но вряд ли абсолютно все перечисленные у Тацита и Плиния римляне, покончившие с собой, были последователями стоиков. Скорее самоубийство в сложной жизненной ситуации было римской традицией, которая согласовалась при этом с учением и поведением стоиков.

Заметим также, что, в отличие от периода правления Нерона и гражданских войн, при Домициане политических самоубийств не было. Оппозиционеры Геренний Сенецион, Арулен Рустик и Гельвидий Приск Младший были казнены [\[23, 2; 24, I.5.2–3; III.11.3\]](#), при этом никто из них не покончил с собой, так что данная традиция для рассматриваемого

периода не характерна.

Подведем итоги исследования. В Риме конца I–начала II вв. н. э. философия была популярна как среди высших, образованных, так и средних, менее образованных, слоев общества. Подъем интереса к философии наблюдался после смерти императора Домициана, что можно объяснить изменением общественно-политической обстановки при Нерве и Траяне. Изгнанным ранее философам было разрешено вернуться в Рим из ссылки, появилась возможность свободно высказывать свои мысли, что вызвало оживление общественной атмосферы. Однако, не у всех римлян увлечение философией было серьезным: многие, отдавая дань моде, показывали себя философами только внешне при отсутствии глубокого внутреннего интереса. Все римские авторы, которые обратили внимание на эту проблему, не одобряли показное увлечение философией и «пустое» подражание философам.

Что касается влияния философии на политическое поведение римских граждан, то при Домициане можно отметить преемственность стоической оппозиции со времен Нерона и Веспасиана в лице приверженца стоицизма Арулена Рустика. Возможно, некоторые другие оппозиционеры тоже сочувствовали идеям стоиков. Однако, на примере Тацита и Плиния Младшего мы видим, что не все знатные римляне того времени были готовы прямо выступить против осуждаемого ими императора, хотя тот же Плиний Младший был хорошо знаком с оппозиционерами и сочувствовал их идеям. При Нерве и Траяне, с одной стороны, наблюдалось массовое восхваление представителей стоической оппозиции. С другой стороны, Тацит в «Жизнеописании Агриколы» скептически отозвался о них, считая гибель оппозиционеров скорее стремлением к славе, чем пользой для государства. На наш взгляд, у Тацита было двойственное отношение к стоицизму: он не был явным сторонником этого учения, но одобрял идеи стоиков в тех моментах, которые способствовали служению на благо государства.

В рассматриваемый период учение стоиков находило наибольший отклик у римлян и чаще всего упоминалось в литературных произведениях. Это можно объяснить тем, что некоторые положения этики стоицизма пересекались с традиционными римскими ценностями: необходимость обладания определенными добродетелями для римского гражданина (в том числе влиявшая на посмертную участь его души) соотносилась с добродетелью как одним из ключевых понятий у стоиков; возможность покончить с собой и теоретическое обоснование самоубийства в сложной жизненной ситуации у стоиков соотносилось с распространенностью и одобрением практики самоубийства в римском обществе. Для римлян важнейшей добродетелью было служение государству и продвижение по карьерной лестнице, занятие государственных должностей. Примечательно, что и стоик Эвфрат оправдывал занятость делами на государственной службе пользой для общества. Таким образом, идеи, изначально пришедшие из греческой философии, тесно переплетались с римскими традициями и ценностями.

Библиография

1. Long A.A. From Epicurus to Epictetus. Studies in Hellenistic and Roman Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 2006. 439 p.
2. Тер-Аракелянц В.А. Критика основ эпикуреизма в произведениях римских стоиков: Сенека и Эпиктет // Гуманитарные и социальные науки. 2011. №5. С. 58–69.
3. Колиш М.Л. Сенека о действиях против совести // Verbum. 2014. Вып. 16. С. 31–50.
4. Степанова А.С. Благо, зло и безразличное в учении Эпиктета о свободе выбора // Историко-философский ежегодник. 2015. Т. 30. С. 5–17.
5. Денисова Т.Ю. Экзистенциальные аспекты времени у римских стоиков // Актуальные

- проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. №4–1. С. 128–131.
6. Fuhrer T. Philosophy in Rome // L. Perilli, D.P. Taormina (Eds.). *Ancient Philosophy. Textual Paths and Historical Explorations*. London–New York: Routledge, 2018. P. 545–557.
7. Миронов А.В. Моральное творчество как созидание достойной жизни в философии римских стоиков // *Вопросы элитологии*. 2022. №1. С. 61–71.
8. Mouroutsou G. Moral Philosophy in Imperial Roman Stoicism // K. Arensen (Ed.). *The Routledge Handbook of Hellenistic Philosophy*. New York: Routledge, 2020. P. 319–327.
9. Столяров А.А. Гай Музоний Руф (штрихи к портрету римского интеллигента эпохи Клавдиев и Флавиев) // *Философский журнал*. 2015. Т. 8. №4. С. 80–98.
10. Столяров А.А. Гай Музоний Руф // *Философская антропология*. 2018. Т. 4. №1. С. 140–153.
11. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981. 208 с.
12. Sherwin-White A.N. *The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary*. Oxford: Clarendon Press, 1966. 808 p.
13. Jones C.P. A New Commentary on the Letters of Pliny // *Phoenix*. 1968. Vol. 22. №2. P. 111–142.
14. Петровский Ф.А. Ювенал // *История римской литературы*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 2. С. 222–238.
15. Кочеров С.Н. Стоическая оппозиция в Римском сенате (опыт морального сопротивления тирании) // *Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы*. Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991. С. 78–93.
16. Кочеров С.Н. Римский стоицизм как соединение этической теории и моральной практики // *Этическая мысль*. 2016. Т. 16. №1. С. 31–45.
17. Смирнова Е.Л. Гельвидий Приск Старший: взгляды, деятельность, судьба // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2010. Вып 9. С. 213–230.
18. Титаренко И.Н. Роль антропологической проблематики в философии Древнего Рима // *Научная мысль Кавказа*. 2006. №2. С. 41–46.
19. Аванесов С.С. Стоическая философия человеческого удела: пантеизм и самоубийство // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. №5. С. 9–16.
20. Болтовская Л.Н. Сенека и римская нравственная философия (к проблеме смерти) // *Христианское чтение*. 2021. №1. С. 186–194.
21. Перфилова Т.Б. Две модели обучения философии в Римской империи // *Ярославский педагогический вестник*. 2004. №3. С. 40–46.
22. Turpin W. Tacitus, Stoic “Exempla”, and the “Praecipuum Munus Annalium” // *Classical Antiquity*. 2008. Vol. 27. Issue 2. P. 359–404.
23. A.J. Woodman, C.S. Kraus (Eds.). *Tacitus. Agricola*. Cambridge: University of Cambridge, 2014. 374 p.
24. Plinius. *Letters and Panegyricus*. Cambridge–London: Harvard University Press, 1975. Vol. 1–2. 1200 p.
25. Tacitus. *Histories. Books 1–3*. Translated by Clifford H. Moore. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1925. 512 p.
26. Tacitus. *Annals. Books XIII–XVI*. Translated by J. Jackson. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1937. 422 p.
27. Sailor D. *Writing and Empire in Tacitus*. New York: Cambridge University Press, 2008. 359 p.
28. Sailor D. *The Agricola* // V.E. Pagan (Ed.). *A Companion to Tacitus*. Malden, MA; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. P. 23–44.
29. Беседы Эпиктета. Изд. подгот. Г.А. Таронян. М.: Ладомир, 1997. 312 с.
30. Столяров А. А. Эпиктет // *Философская антропология*. 2021. Т. 7. №2. С. 251–269.

31. Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М.: Наука, 1985. Т. 1. С. 22–105.
32. Флавий Филострат. Жизнеописания софистов (I, 1–18) // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2013. Вып. 6. С. 169–193.
33. Письма Плиния Младшего. Книги I–X. Изд. подготовили М.Е. Сергеенко, А.И. Доватур. М.: Издательство «Наука», 1983. 408 с.
34. Корнелий Тацит. История. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. 400 с.
35. B.G. Teubner (Ed.). D. Iunii Iuvenalis Saturae. Cambridge: Harvard University, 1889. 353 p.
36. Ювенал. Сатиры // Римская сатира. М.: Художественная литература, 1989. С. 241–340.
37. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Издательство «Мысль», 1986. 622 с.
38. Трофимова А.А. Геродот и Клеанф: превращения античного портрета. К проблеме изучения эрмитажной скульптуры из коллекции Дж.-П. Кампана // Клио. 2015. №11 (107). С. 60–66.
39. Дуров В.С. «Муза, идущая по земле» // Римская сатира. М.: Художественная литература, 1989. С. 5–30.
40. Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949.
41. Корнелий Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Л.: Издательство «Наука», 1969. С. 327–353.
42. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987. 320 с.
43. Утченко С.Л. Две шкалы римской системы ценностей // Вестник древней истории. 1972. №4. С. 19–33.
44. Вергилий. Энеида. М.: Лабиринт, 2001. 288 с.
45. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Издательство «Наука», 1977. 386 с.
46. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2015. 456 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена рассмотрению важнейшего периода истории римской философии. Общеизвестно, что римская философия представлена в отечественной историко-философской науке явно недостаточно. Отдельные крупные отечественные исследователи обращались к изучению наследия римской философии, но в большинстве случаев эта тематика не становилась для них доминирующей (упомянем хотя бы работы Г.Г. Майорова, почему-то автором проигнорированные), так что о сколько-нибудь цельном «философском портрете» эпохи говорить пока не приходится. Поэтому можно только приветствовать появление новых работ в этой области. К сожалению, однако, в рецензируемой статье имеются некоторые весьма серьезные недостатки. Начало статьи выглядит «излишне формально». Так, формулировка цели лишь повторяет название работы и не даёт читателю дополнительной информации о её содержании. А в формулировке одной из задач читаем: «...соотношение идей греческой философии и собственно римских идей». Что такое «римские идеи»? Это явно неудачное выражение,

как минимум, его следует расшифровать, например, следующим образом: идеи, возникшие в культуре под влиянием специфических условий социальной жизни в Римской империи. Ещё слабее «обзор литературы»: автор просто перечисляет исследования некоторых авторов, указывая на их предметное содержание или особенности подхода. Какое значение имеет это перечисление для восприятия читателем содержания статьи? Подобный обзор имеет смысл давать только в том случае, если он позволяет увидеть нерешённые проблемы и тем самым обосновывает актуальность работы и готовит читателя к пониманию её места в процессе исследования заявленной темы. Последующее изложение также вызывает массу вопросов. Почему автор снабжает читателя множеством фактов и отстраняется от их анализа? Задача автора состоит не только в том, чтобы предлагать читателю те или иные сведения, снабжая их частными замечаниями, но и в том, чтобы предложить собственное видение (в данном случае – указанного периода философской мысли), по возможности оригинальное, обоснованное и ссылаясь на источники (поскольку речь идёт об историко-философской работе), и теоретическими доводами. В данном же случае мы не видим не только анализа в собственном смысле, но и почти никаких элементов классификации множества предлагаемых фактов. Не меньшее недоумение вызывает и отсутствие заключения, изложение буквально обрывается, автор даже не пытается предложить какого-либо вывода. Указанные обстоятельства делают нецелесообразным публикацию статьи в её сегодняшнем виде. При этом следует констатировать, что автор обладает значительной эрудицией (о чём свидетельствует и обилие используемых источников), «погружен» в тему, однако, работа явно не завершена, следует попытаться предложить анализ собранного материала и представить статью именно в качестве целостного историко-философского исследования. Оформление текста больших нареканий не вызывает, кое-где встречаются пунктуационные погрешности. На основании сказанного рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Философия в римском обществе конца I–начала II вв. н. э.» предмет исследования – это место философия в общественно-политической и социокультурной жизни римского общества конца I–начала II вв. н. э. Цель исследования состоит в демонстрации того, как философские идеи отражались в римском обществе, как и в какой степени они на него влияли.

Теоретико-методологические основы исследования не заявлены. В качестве методов исследования используется анализ произведений римских и иных латиноязычных авторов, в которых есть упоминания об их собственном отношении к философии и отношении к ней других римлян, на основе которых проведён сравнительный анализ выявленной информации. Исследование охватывает период с конца I по начало II века н. э., включая правление императора Домициана, последнего из династии Флавиев (81–96), и представителей династии Антонинов — Нервы (96–98) и Траяна (98–117).

В целом, изучение роли философии в жизни общества помогает нам расширить знания, приобрести критическое мышление и осмысленное понимание мира вокруг нас, а также оценить свои собственные убеждения и ценности. Философия – это безусловно неотъемлемая часть римского общества, которая вносит значительный вклад в формирование и развитие его культуры, нравственности, правовой системы.

Научная новизна публикации связана с аргументацией следующих выводов: 1.

Философия была популярна в Риме в конце I - начале II веков н. э. среди различных слоев общества, хотя увлечения философией не всегда было глубоким и серьёзным. 2. Влияние философии на политические взгляды римских граждан было заметно, особенно в контексте учения стоиков. 3) именно учение стоиков находило наибольший отклик у римлян в рассматриваемый период, так как его положения пересекались с традиционными римскими ценностями. Это позволяет заключить, что философия, и в частности стоицизм, играли важную роль в римском обществе и политике в указанный период. Однако, отношение к ней и её влияние были сложными и многогранными.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью, которая задаётся последовательным решением трех научных задач: 1) определить, насколько сильным было влияние философских учений на политические взгляды римских граждан; 2) проанализировать роль философии в мировоззрении и поведении римлян в других сферах жизни, кроме политической; рассмотреть соотношение в указанный период идей, пришедших из греческой философии, и римских идей и традиций. Статья будет представлять интерес для специалистов в области философии истории, особенно специализирующихся на позднеантичном периоде её развития.

Библиография работы включает 46 публикаций и состоит как из произведений римских и иных латиноязычных авторов, так и иных авторов, изучающих философию античного периода и римское общество. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Вывод: Статья «Философия в римском обществе конца I–начала II вв. н. э.» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована.